

ОТ ДИНАМИКИ «ПОЛЯ» К АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОМБИНАТОРИКЕ

Рецензия на монографию: *Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации.* – М.: ИСлРАН, 2016 – 320 с.

В. А. Колесник, А. А. Пригарин

Стремительно развивающаяся балканистика как междисциплинарная историографическая площадка изучения единства и многообразия народов Юго-Восточной Европы пополнилась еще одной удачной монографией А. А. Плотниковой. Будучи представителем одного из ведущих академических центров – этнолингвистической школы Н. И. Толстого, автор существенно обогатила научные знания об островных ареалах в их историко-лингвистической динамике. Подобная постановка научных задач (локальность как глобальность), относящаяся к идеографическому методу изучения частностей, включения специфических свойств в общую перспективу, представляется единственно продуктивной для Балкан. Пресловутая «поликультурность» здесь не абстрактная категория или гносеологический конструкт, а реальный фактор общественного развития. Вместе с тем, важным аспектом академического внимания в рецензируемой монографии выступает синхронный срез с серьезным ретроспективным хронологическим анализом. Именно такой подход позволил взглянуть на три варианта «этноконфессиональности» (термин, почему-то избегаемый лингвистом) с позиций не столько поиска механизмов консервации, проявления архаичности, сколько характеризуя фактическую динамику языков, раскрывая факторы заимствований, функционирование их как реальных коммуникационных систем.

Безусловную успешность авторского проекта обеспечивал эффективный диалог между непосредственными наблюдениями (экспедициями) и научными кодами познания. С одной стороны, А. А. Плотникова «шла за полем» (популярный принцип выстраивания результатов в экспедиционных науках); а, с другой, четко представляла себе ценность эмпирики в академических перспективах. Благодаря этому синтезировались новые знания о лексемах и реалиях, которые одновременно лишены и чрезмерных абстракций, и механического набора эмпирического перечисления. Лингвистическая программа исследований была удачно реализована в процессе многолетнего сбора материала среди «островов». Она же способствовала четкому и адекватному обобщению на камерном уровне работ.

Рассмотрение конкретных «островов» начинается с группы русских-старообрядцев Добруджи, которая представляет собой отдельный территориальный анклав диаспорного образования с XVIII в., широко расселенного от Буковины до Нижнего Дуная. Полевой материал в липованско-некрасовской среде позволил выявить архаический пласт русской культуры в условиях иноязыкового, инокультурного и иноконфессионального окружения. Кроме того, проследить влияние соседних языков-культур (прежде всего румынской) и определить степень этого взаимодействия в отношении консервативного изолята старообрядцев.

Авторски эффективным и научно новаторским является рассмотрение русского диалекта «липован», его архаичных черт на основании комплексного анализа народных представлений и соответствующей ритуальной практики. Тонкое наблюдение А. А. Плотниковой о том, что консервации старого (как пласта дохристианского и допереселенческого) способствовало осуждение ряда мировоззренческих элементов как «еретических» или «грешных» (с. 35), находит свою аргументацию во время характеристики конкретных обрядов. Например, характеризуя комплекс родильных ритуалов, исследовательница не только рассматривает бытование среди липован архаичного обычая «бабьих кашек», но и приводит народную семантику: «бабы сказки» (липованское сознание отправляет в своем объяснении к действиям, которые применялись, но не поощрялись церквями).

Аналогично рассматриваются свадебные ритуалы липован. Элементы «разгула», явно не входящие в регламентированные нормы со стороны конфессионального центра, оказались здесь устойчивыми (перезва или ряженье). Такой анализ проводится на широком и корректном компаративном материале. Памятуются о районировании русской народной культуры, ученая оперирует потенциальными версиями из районов выхода группы: южнорусскими и, особенно, донскими.

Инновационные заимствования проводятся в сравнении с соответствующими комплексами окружающих народов. Так, купание родителей, выдающих замуж или женивших последнего ребенка (с. 58–59), соотносится А. А. Плотниковой с украинскими обычаями. В аналогичном случае, в Буджаке, сами липоване и украинцы припоминают молдавское происхождение данной практики.

Ярким получился в этом смысле обзор календаря, народной медицины, низшей демонологии и духовных стихов липован. Именно в этих комплексах удалось проследить не только синхронную вариативность, но и выявить существенный субстрат прежних регионов проживания. Несмотря на заметное влияние со стороны старообрядческого мировоззрения, эти материалы показали не столько инновационность, сколько устойчивость народных традиций.

Отдельно структурно рассмотрены примеры лингвистических (культурных) заимствований. Здесь А. А. Плотникова отвечает на популярный в самой среде старообрядцев Добруджи (и всей Румынии) вопрос, а что будет с липованским (русско-липованским) языком в свете интенсификации румынизации (модернизации) жизни? В ее редакции становится понятным, что эти тенденции не сегодняшние, а отражают практику нескольких поколений. Взаимообогащение двух сфер воспроизводства традиции приводит не столько к утрате одного из культурных кодов, сколько к интересным, с точки зрения культуролога, процессам. Например, урбанизация быта приводит к массовым проникновениям румынских названий новых реалий. Однако, параллельное функционирование старославянского (ритуального), диалектного (русского) и публичного (румынского) никто не может сознательно изменить. Вот и бытуют русские суффиксы с румынскими корнями или наоборот.

Сосредоточившись на языковой интерференции, из круга внимания автора выпала роль церковной грамотности и трансмиссия старославянского кода. Конечно же, это касается, в первую очередь, представителей конфессионального центра общин. Но светское образование на русском литературном языке активно сосуществует с достаточно популярным в липованской среде обучением церковным азам. Эти интересные процессы достойны своего специального внимания (доводилось встречаться с особами, сносно понимающими старые формы, но, увы, с трудом – русский язык).

Значительное место уделено градищанским хорватам в Австрии, исторически изолированным от основного лингвокультурного массива и находящимся в иноязычном и иноэтничном окружении, и боснийским мусульманам, находящимся в иноконфессиональном окружении.

Хорватский анклав в Австрии был обследован в полевых этнолингвистических экспедициях 2007 и 2013–2015 гг. Градищанские хорваты проживают в иноязычном, иноэтничном и инокультурном окружении (немецкий язык в Австрии, венгерский – в Венгрии, словацкий – в Словакии, чешский – в Моравии). В настоящее время большинство сел расположено в Австрии на земле Бургенланд (на хорватском Градище). «Градищанскими» называются говоры, которые находятся со стороны Венгрии, в хорватских селах вблизи Братиславы в Словакии и в южной Моравии (Чехия). Градищанские хорваты стали приходить на земли своего нынешнего проживания с XV века. Массовые миграции происходили в первые десятилетия XVI века в основном по причине бегства от турок, голода, тяжелых налогов и пр., в том числе «по найму».

Стандартизация градищанскохорватского языка началась в середине XIX в. вместе с началом полемики по вопросу, какой именно диалект должен лечь в основу литературного градищанскохорватского языка (чакавский или штокавский); окончательное оформление завершилось тогда, когда в 1987 г. Австрийский конституционный суд признал стандартный градищанскохорватский язык вторым официальным языком земли Бургенланд.

Градищанские хорваты неоднократно привлекали внимание исследователей. В монографии представлен обзор литературы по теме. Это книга Г. Невекловского «Язык градищан-

ских хорватов», работы Р. Сучича. Из обобщающих работ по народной духовной культуре градишанских хорватов автор называет монографию М. Йорданича «Народные обычаи градишанских хорватов» (2009), в которой практически во всех главах имеются подразделы, посвященные обычаям того или иного села, зачастую представляя собой цельные рассказы информантов о своей традиции. Отдельные публикации по традиционной и народной духовной культуре содержатся в ежегоднике «Паннонский альманах», в выпусках «Календарь “Традище”». Особый интерес представляют работы, посвященные так называемой низшей мифологии градишанских хорватов. Это и работы И. Добровича «Старославянские и наши “вилы”» (1954), Н. Бенчича «Ведьмы и процессы над ведьмами» (1987), А. Блазовича «Кум черных “вил”» (1987), З. Буранича «“Белые вилы” в Гериштофе» (1989).

Большое значение для этнолингвистического изучения градишанских хорватов имеют краеведческие издания по отдельным селам. Одно из наиболее полных описаний посвящено селу Узлоп, в котором включены разделы не только о семейных и календарных обрядах, но и о детских играх, предсказаниях погоды, сказки, пословицы, загадки, сведения о языке, о народной мифологии, окрестной топонимике, памятниках культуры, биографии местных писателей и пр.

Для полевого обследования хорватов в Австрии был использован вопросник по балканским славянам «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала» (Плотникова, 2009). На основе этого вопросника создано 46 этнолингвистических карт, охватывающих непрерывный этнодиалектный континуум Южной Славии, которые размещены в книге «Этнолингвистическая география Южной Славии» (Плотникова, 2004). В ней исследуется территория Болгарии, Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении. Однако в силу макрозадач исследования не содержится данных по традициям тех хорватов, которые проживают в настоящее время анклавами в Австрии, Венгрии, Словакии. В этом плане полевые исследования, проведенные автором в селах градишанских хорватов Австрии, не только служат закономерным дополнением данных по этнолингвистической географии Южной Славии, но и в ряде случаев способствуют реконструкции тех или иных мифологических образов и особенностей семейной и календарной обрядности, поскольку переселившиеся в XVI веке хорваты сохранили те черты традиций, которые в настоящее время либо утрачены, либо сохраняются лишь как следы в языке (диалекте) на первичной территории их проживания. Примером такого рода «языкового следа» может служить название свадебного каравая – *вертань*.

Первое этнолингвистическое обследование было организовано и проведено в 2007 г., когда удалось обследовать 7 сел из всех трех частей региона: Северного, Среднего и Южного Градища. В соответствии с принятым этнодиалектным членением градишанских хорватов Австрии объектом изучения стали *полянцы* (села Трайштоф, Узлоп), *долинцы* (Велики Бориштоф, Мьеново, Филеж), *штои* (Чемба, Нарда), а также с. Стиняки, жители которого относятся к «южным чакавцам» и более всего сохранили архаические черты в языке и фольклорной традиции.

В селе Филеж были записаны данные о мифологических персонажах, которые могут управлять погодой, устраивать ненастье, вызывать затяжной дождь. В данном случае, как отмечает автор исследования, ощущается «влияние карпатской традиции, точнее – венгерской, где представления о мифологическом персонаже Гарабондиаш, обладающем способностью влиять на погоду, достаточно развиты и известны» (с. 133).

Этнолингвистическое исследование градишанских хорватов было проведено также и с целью определить автохтонные признаки в народной традиции и поздние, заимствованные из немецко-венгерской среды.

Анализ народной духовной культуры и отражающей ее лексики сел Северного, Среднего и Южного Градища показал, что традиция в основных чертах сохраняется, при этом обнаруживаются схождения с хорватской терминологической лексикой народной духовной культуры региона реки Купы и области Йосипдола, сел словенско-хорватского пограничья и собственно Словении.

Один из наиболее выразительных архаических обычаев в свадебной обрядности является выпекание хлеба *вертань*, как и само название, встречающееся сейчас лишь в редких этнографических источниках с территории первичного проживания градишанцев или отмеченное в исторических словарях (с. 136).

В народном календаре отмечаются архаические общеславянские или южнославянские элементы, несмотря на общий католический конфессиональный контекст. Особенно богаты архаическими представлениями у южных славян рождественские и новогодние обряды. В числе архаических особенностей народного календаря отмечаются традиционные для южных славян мотивировки весенних обрядовых действий – затыкать вербовые ветки в хлев, виноградник и др. для получения благословения и пр. (с. 145).

Яркими и значимыми для всего социума были обряды на Масленицу, называемые «волочить колодку», и на праздник св. Юрия. Зафиксировано много поверий и ряд *быличек* (рассказов о встрече человека с нечистой силой) из области «низшей» мифологии. Наиболее частый персонаж – ведьма и *бела вила* – красивое женское доброе существо, способное летать, которое помогает людям. Записаны *былички* о персонажах *мрак*, *мрачняк* (темнота), огненный змей.

Значимыми являются результаты исследования:

- 1) наблюдается совпадение локальной терминологической лексики хорватов Бургенланда с той, которая отмечена в Хорватии;
- 2) наличие эксклюзивной лексики из Бургенланда, которая не подтверждается источниками (известными автору) с территории Хорватии;
- 3) фиксируются аналогии и совпадения с терминологической лексикой:
  - а) на более широкой хорватской территории – *вишка* (ведьма), *мрак*;
  - б) в соседнем словенском ареале. В число таких культурных терминов попадает *вертань* – свадебный хлеб в виде кольца, территория распространения которого была гораздо шире. Аналогичные выводы напрашиваются и при анализе маслянистого обычая с колодкой, фиксируемого в Словении и Хорватии;
  - в) на широкой территории запада Южной Славии. Так, в похоронно-поминальной терминологической лексике известно специфичное обозначение погребального плача и наименование для ежегодного поминовения усопших – *Мртви год*;
- 4) общая для южнославянского культурно-языкового пространства лексика (*вила*, *змай* – «змей», *веселе* – «свадьба») и т.д.

Как видим, при анализе градишанскохорватской культурно-языковой традиции дополнительное подтверждение находит гипотеза о специфическом западном хорватско-словенском ареале, имеющем в зависимости от этнолингвистических факторов разные конфигурации и связанном с иными, периферийными ареалами в пространстве Южной Славии. Определяющими факторами самоидентификации градишанских хорватов являются сохранение языка и наличие у них собственной фольклорной традиции, пусть уже во многом изменившейся к настоящему времени (с. 168).

Один из разделов монографии посвящен исследованию специфике культуры боснийских мусульман. Традиционная народная культура боснийских мусульман (*бошняков*) долгое время оставалась на периферии интересов ученых, занимающихся этнолингвистическим обследованием славянских регионов. Впервые ситуация изменилась с началом полевого обследования мусульман в окрестностях Сараева в 2011 г. Наиболее полный материал был собран по разделу «Семейная обрядность». Отмечается, что семейные обычаи и, соответственно, обслуживающая их терминологическая лексика практически не подверглись сколь-нибудь значимым изменениям с начала XX века, когда впервые, в 1900 г., появилась на свет работа А. Ханги «Жизнь и обычаи мусульман в Боснии и Герцеговине».

Московский ученый уделяет особое внимание обряду обретения кума (кумы) ребенком в случае, если ребенок очень слаб, может умереть или его по каким-либо причинам не выносят на улицу до года. Этот обычай сохраняется и до настоящего времени в болгарских селах юга Украины. Автор разграничивает кумовство в результате стрижки волос, указывая, что у мусульман существует и два других вида кумовства: кумовство в результате суннета и венчальное кумовство (с. 173).

Собранный в монографии материал показывает, что у мусульман обследованных регионов Боснии до сих пор сохраняются архаические культурные тексты, известные южным славянам в различных локальных вариантах, независимо от их конфессиональной принадлежности. Выявлено, что в ряде случаев можно обнаружить языческие компоненты традиции. Кроме того, прослеживаются балканские мотивы и соответствующие лексемы – балканизмы в словаре бошняков.

Терминологическая лексика духовной культуры славян-мусульман Боснии, как правило, известна и вне границ современного государства Босния и Герцеговина, т.е. изолексы имеют продолжения в южнославянском территориальном континууме. Если в лексике народного календаря встречаем главным образом турцизмы, то в семейной обрядности (свадьба и роды) преобладают славизмы. При этом преимущественное число турцизмов обнаруживается в похоронно-поминальной обрядности, а также при описании отдельных этапов и реалий свадьбы, нередко как дублиеты славизмов.

Примечательно, что базовая свадебная лексика у бошняков преимущественно славянская: *свадьба*, *уговор* (помовка), *заручит* (совершить помовку), *сватови* (сваты), *млада* (невеста), *младоженя* (жених), *венчание* (заключение брака) и др. Из области родильных обрядов и обычаев это лексемы: *трудна* (беременная), *бабица* (повитуха), *у кошулицци* (в рубашке) и др.

В заключение, поздравим А. А. Плотникову с успешной монографией, а балканистов – с новым исследованием культурного разнообразия региона!